

На родине М.Е.Салтыкова-Щедрина

(Воспоминание об одной научной экскурсии)

Жданов В.Н.

Понять произведения русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина современному русскому человеку довольно сложно. Разбираться в них иностранцу — всё равно, что расшифровывать письма древних майя или древнеегипетские иероглифы. Можете себе представить, какое удивление и уважение вызывает у русских людей иностранец, увлекающийся Салтыковым-Щедриным. Во всяком случае, когда я знакомился с японским профессором, который перевёл на родной язык почти всего Салтыкова-Щедрина, то чувствовал перед ним благоговение и восторг. К тому же профессор оказался весёлым и добрым человеком, дружить с которым просто наслаждение.

В августе 19... года я узнал, что мой дорогой японский салтыковед приезжает в Россию, чтобы посетить места, связанные с именем Салтыкова-Щедрина. Конечно, я с радостью вызвался помочь ему.

Программа визита была довольно насыщенной: Москва, Петербург, Тверь и Талдом. Далеко не все знают, что есть такой маленький городок в 110 километрах к северу от Москвы. Близ этого городка в селе Спас-Угол 15 января 1826 года родился гениальный русский сатирик Салтыков-Щедрин. И конечно, мой японский друг, исследователь и переводчик Салтыкова-Щедрина, очень хотел посетить родину своего писателя.

Чтобы организовать всё на самом высоком и престижном уровне,

я обратился в Министерство культуры. Министерские чиновники связываться с неведомым иностранным профессором не стали, но дали полную информацию по музею Салтыкова, который находится в селе Спас-Угол. По телефону я договорился с директором музея Антониной Фоминичной о том, что в воскресенье утром они примут профессора и даже чаем угостят.

И вот в воскресенье утром мы приехали на Савёловский вокзал к девятичасовой электричке на Талдом и сразу столкнулись с огромной проблемой. Наш поезд отправлялся через несколько минут, следующий — через два с половиной часа, а на вокзале (обычное дело в нашей стране) работала только одна касса, и в неё стояла очередь, как в мавзолей Ленина в старые советские времена. Когда я попросил пропустить нас без очереди, народ, теснее сомкнувшись, ответил дружной бранью. Пришлось принимать единственно верное решение - ехать без билета и, если будут контролёры, спокойно заплатить штраф. Мой японский друг, конечно же, первый и единственный раз в жизни ехал зайцем. Встречи с контролёрами за время нашего пути в Талдом не произошло, зато нам повстречался бродячий музыкант. Заходя по очереди в каждый вагон, он пел под аккордеон популярные русские песни и романсы. Откровенно говоря, мне очень нравятся уличные и бродячие музыканты в России. Обычно они довольно искусно играют и поют. Мы быстро познакомились с этим аккордеонистом. Усадили его рядом с нами, угостили, заплатили щедро за музыку и попросили дать нам небольшой концерт. Окружающие пассажиры вначале тихо зароптали, а потом заслушались, так замечательно и с душой пел наш новый знакомый, а вальс времён русско-японской войны «На сопках Маньчжурии» исполнил дважды. Так мы приятно добрались до Талдома, не заметив, как пролетели два часа пути.

На вокзальной площади взяли такси и полетели в Спас-Угол. Мой дорогой профессор сиял от счастья, в предвкушении скорой встречи с таким дорогим для него местом, местом, где родился Салтыков-Щедрин, писатель, которому он посвятил тысячи часов своей жизни. Минут через двадцать мы уже стояли в конце широкой деревенской улицы перед двухэтажным деревянным домом, который когда-то входил в усадьбу помещиков Салтыковых, а сейчас представляет собой музей. Но на дверях висел огромный замок, а в доме стояла тишина. Что случилось? Очевидно директор музея Антонина Фоминична что-то забыла или перепутала. Что же теперь делать?

Нас выручил шофёр. Он постучал в ворота ближайшего дома... И вскоре мы были окружены жителями близлежащих домов, прежде всего детьми. Оказывается, что директор Антонина Фоминична по каким-то делам уехала в Москву, а нам вместо неё может помочь сторожиха музея. Не помню, как точно её звали, допустим, что баба Клава. Она впустила нас в музей и как попугай повторила то, что обычно рассказывают экскурсоводы туристам. Всю свою жизнь проработала она в этом музее и давно уже выучила наизусть текст экскурсии. Правда, рассказывала она его по-своему, по-деревенски, с просторечиями и нараспев, будто былинку пела. Рассказывала примерно так: «А вяликий русской пясатель-то сатирик, Салтыков-Щядрин, наш зямляк-то, пра наше-то сяло напясал у книге «Пашахонская старона...».

Мой японский друг понимал всё с полуслова и куда лучше меня. Он с радостью, как родственников, узнавал музейные экспонаты, которые были давно знакомы ему по фотографиям и описаниям в книгах. И непрерывно щёлкал фотоаппаратом.

Мало что осталось в селе Спас-Угол от дворянской семьи Салты-

ковых. Их усадьба была сожжена в годы революции. Парк вырублен. Пруд превратился в болото. Везде царствовало запустение. Тем не менее гость Страны Восходящего солнца старался всё запечатлеть на плёнку.

По совету сторожихи мы поехали на старое сельское кладбище, где была похоронена мать писателя. Её могила, как сказали нам, чем-то обозначена, и найти её будет нетрудно. Кладбище находилось рядом с машинно-тракторной станцией. Вернее, машинно-тракторная станция занимала часть кладбища. Да и кладбища по сути не было. А были непроходимые заросли травы и кустов, среди которых с трудом можно было различить едва заметные холмики. Очевидно надгробия и памятники давно растащили для хозяйских нужд.

Я хотел было предложить уже возвращаться, но японский профессор, сжимая как оружие двумя руками фотоаппарат отчаянно бросился в крапивные джунгли на поиски дорогой могилы. Исчез он мгновенно. Прошло несколько минут. Шофёр забеспокоился, может, потому что я не казался ему платёжеспособным, может, внимательный человек был. «Ты что не видишь, — сказал он, — интурист наш потерялся. Давай скорее искать! Ты с той стороны иди, а я с этой посмотрю. Эй! Товарищ! Господин! Ты где?».

Профессор, конечно, отыскался. Нашли мы и могилу. Предполагаем, что нашли, потому что только в этот холмик был воткнут красный искусственный цветок.

Программа посещения Салтыковской усадьбы была выполнена. Можно ехать в Москву. Но что-то взгрустнул мой друг. Печален стал его взгляд. Будто не хватает чего-то. Я взглянул на часы и понял — уже давно пора было пообедать. Это я, наверное, как и многие мои соотечественники, веду безалаберный образ жизни.

Обедаю в разное время, а иногда и вообще не обедаю. Обед для меня, к сожалению, не является святой необходимостью. Но мой японский друг привык обедать каждый день. И мы решили отправиться в ближайший ресторан. Но шофёр сказал, что никаких ресторанов здесь нет, и повёз нас в Талдом, где вроде бы недавно появилось кооперативное кафе. Кафе было закрыто «по техническим причинам». Вокзальный буфет, наполненный спящими цыганами, не работал. Городской ресторан оказался на ремонте. Наш благородный талдомский водитель помчал нас километров за десять в совхозную столовую, которая тоже оказалась закрытой. Настроившись на обед и не получив одного, раздражённые, мы вернулись на привокзальную площадь Талдома. Рассчитались с водителем, щедро одарив его чаевыми, взяли билеты и, голодные, стали ждать поезда на Москву.

Времени было много, и я отправился в продуктовый магазин. В Москве в то время после горбачёвского продовольственного кризиса начался товарный бум. В любое время суток около метро уже можно было купить самые разные продукты и напитки. Но до Талдома это изобилие ещё пока не докатилось. Здесь было всё как в самый худший период горбачёвского времени. В магазине на полках абсолютная пустота. Я в отчаянии стал умолять продавщицу найти хоть какую-нибудь еду. И великодушная продавщица, пышная и румяная красавица, предложила мне селёдку, брынзу (есть такой сорт овечьего сыра) и водку. Талдомская красавица была очень внимательна: она нарезала брынзу, селёдку, дала немного хлеба и стаканы для водки. От души поблагодарив добрую девушку, я помчался кормить моего японского друга. Пить он почти не стал. А поел охотно. А мне как-то в горло эта еда не шла. Селёдка была довольно солёной, а брынза ещё солонее.

Вскоре мы уже мчались в Москву в пустом вагоне электрички. Разговор не получался, потому что моего японского друга стала мучить жажда. А ехать надо было долго. Мой друг молчал, тихо страдая, а я ничем не мог ему помочь.

Постепенно электричка наполнялась, потом стала набиваться народом. И вот уже огромные толпы с детьми, бабушками и дедушками, собаками и кошками, гигантскими букетами, рюкзаками, необъятными сумками, коробками, мешками и велосипедами штурмуют электричку. Они не входят, и даже не влезают, а вталкиваются, втискиваются, впихиваются, вкручиваются, врубаются в наш вагон, отвоёвывая себе каждый сантиметр, нет, каждый миллиметр пространства.

Для зарубежного читателя, которому вряд ли понятно подобное движение народных масс, объясняю, что это дачники. С наступлением тепла большая часть населения Москвы перемещается на дачи, обычно в пятницу вечером, а в воскресенье вечером эта многомиллионная масса устремляется назад в Москву.

Теперь представьте себе, как при этой картине штурма изменилось выражение глаз моего японского друга: раньше они выражали лишь страдание из-за нестерпимой жажды. А теперь к этому страданию добавилось выражение ужаса, переходящего в отчаяние. Да и было отчего прийти в ужас. Огромных размеров бабуля, усевшись, мощным нажатием своего зада отодвинула профессора подальше от окна. А крепкий мужик, поудобней устроившись с краю, притиснул его к бабуле. Между бабулей и профессором был впихнут упитанный, пухлый ребёночек. Сверху, с полки для багажа, свешивались какие-то буйно пахнущие цветы, задевая прекрасно-нежную голову моего друга. Поверх цветов была установлена клетка с орущим попугаем. Прямо перед сидящим профессором могучая дама

в спортивном костюме и с бюстом, заполнившим значительную часть пространства, умудрилась поставить велосипед. А к его правой ноге примостилась огромная рыжая собака. Мой бедный друг был абсолютно со всех сторон зажат, стиснут и придавлен. Впрочем я тоже. Но я знаю, что в таких ситуациях надо время от времени немного дёргаться и тогда вокруг станет попросторней. Не успел я прийти на помощь другу, как народ начал потихоньку выходить. Почти никто не ехал до Савёловского вокзала. Вскоре опять стало пусто в вагоне. Бедный мой товарищ, уставший и сникший, мог только еле-еле что-то шептать пересохшими губами. Я не очень хорошо понимал, что он хочет сказать. Кажется, его губы шептали: «Пить.., пить..» и ещё шептали о том, что теперь он стал лучше понимать и Россию, и её великого сатирика, Салтыкова-Щедрина.

Как можно скорее мы добрались до центра. Вбежали в валютный зал (в то время ещё были такие) сверкающего огнями ресторана...

Вы не представляете, до чего же мне было приятно и радостно видеть, как мой дорогой и милый друг, осушая один за другим бокалы минеральной воды, постепенно возвращался к жизни. Исчезла бледность, появился румянец, наконец прорезался голос, и мы стали вместе дружно смеяться, вспоминая разные эпизоды этой увлекательной экскурсии.

Скажу вам откровенно — те наши встречи в Москве с моим японским другом я вспоминаю, как самые чудесные моменты моей жизни. Воспоминания вызывают невольное желание встретиться ещё раз и отправиться в новое путешествие по России. Что если опять в Талдом? Съездим? А?